
О СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СИМВОЛИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

О.А. Пороль

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

Автор статьи рассматривает пространственно-временную символику в творчестве Вяч. Иванова в библейском аспекте. Анализ поэтических текстов проведен в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей.

Ключевые слова: символика креста, мотив сеяния, пространство, время, библейский мотив.

Античный контекст в творчестве Вяч. Иванова изучался многими русскими и зарубежными исследователями (С.С. Аверинцев, О. Дешарт, Н.М. Сенгал (Рудник), М. Цимборска-Лебода и др.). Данный вопрос в исследованиях авторов традиционен, потому что насыщенность античными мифами и их разнообразие закономерно для русского символизма, стремящегося к поиску универсальных способов художественного обобщения.

Многие литературоведы (С.С. Аверинцев, Е.В. Глухова, О. Дешарт, Л.А. Колобаева, О.Т. Ермишин и др.), осознавшие доминирующее влияние античности на творчество Вяч. Иванова, сделали интересные и содержательные наблюдения о создании поэтом индивидуального мифа, в котором сложно переплелись как христианская традиция, так и древнегреческий культ Диониса-Загрея и гностическая философия. В этом аспекте для нас интересно и важно наблюдение Л.А. Колобаевой, утверждающей, что Вяч. Иванов ориентировался преимущественно не на античный миф, а на национальный, русский, литературный. Рассуждая о соотношении античности и христианства в творчестве Вяч. Иванова, исследователь утверждает, что «сопоставление — Дионис и Христос — для Иванова не просто „соединение“ и тождество, но великая антиномия, через испытание загадкой которой должно пройти обновляющееся, современное осознание их смыслов» [1. С. 98].

Не игнорируя явной доминирующей темы в творчестве поэта и стараясь проникнуть в его тайну о соотношении поздней античной и христианской культуры, рассмотрим библейский пласт в мировоззрении автора, переосмыслим генезис и семантику некоторых устойчивых образов и мотивов в его творчестве.

Библейские элементы в творчестве поэта отличаются достаточной частотностью. *Тема Христа* — одна из ведущих на протяжении всего творчества поэта. «В последнем классе гимназии Вяч. Иванов пишет поэму „Иисус“, выражая свою любовь к Его совершенной личности. Позже написанная книга „Кормчие звезды“ — покаяние-исповедь в нарушениях и грехах и, одновременно, провозглашение-исповеданье обретаемой и обретенной веры» [2. С. 42]. В статье «Заветы символизма» Вяч. Иванов выдвинул тезис о том, что символизм — искусство, позволяющее «осознать связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в сферах иных. Так, истинное символическое ис-

куство прикасается к области религии, поскольку религия есть, прежде всего, чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни» [3. С. 537].

Рассмотрение онтологических глубин (чувствование связи всего сущего и смысла всяческой жизни) в творчестве Вяч. Иванова — задача сложная, пожалуй, она сродни специфике стиля поэта, чуткого к внутренней исторической «памяти» языка (выражение С.С. Аверинцева) [4. С. 5].

Классификацию символа в творчестве поэта развернуто представил М.Ю. Стояновский [5]. Автор настоящей статьи ставит перед собой более скромную цель: рассмотреть на конкретном примере «семантики пространственно-временной символики креста» и «мотива сеяния» в творчестве Вяч. Иванова связь его с библейской традицией. С этой точки зрения предоставляется возможность изучить семантику символа и его связь с русской традицией.

Известно, что в мифопоэтических и религиозных системах один из наиболее распространенных символов — крест. С точки зрения пространственно-временной важно, что крест подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра (изнутри вовне), является высшей ценностью системы, иерархизирует и сакрализует все пространство, определяя в нем линии и направления связей и зависимостей [6. С. 12].

В творчестве Вяч. Иванова символика креста, сам образ Христа занимают центральное место. В статье «Две стихии в современном символизме» Вяч. Иванов, рассуждая о символе, говорит и о неоднозначном содержании символа креста: «Символ есть знак, или означенное. То, что он означает, или знаменует, не есть какая-либо определенная идея. Нельзя сказать, что змея, как символ, значит только „мудрость“, а крест, как символ, только: „жертва искупительного страдания“» [7. С. 536].

Приведем примеры семантического диапазона символики креста в поэтической концепции Вяч. Иванова.

Тема Голгофы — одна из центральных в творчестве поэта (1):

Воспоминаний злых и поздних сожалений, / Надменной юности беспечных преступлений, / Мой тяжкий крест влача, — то был мой горький сон, — / Язвим раскаяньем и сердцем сокрушен, / Тропой обрывистой наверх Голгофы новой / Я шел («Незримый крест») [2. Т. 1. С. 572]; В душе — Голгофа и могила, / И спор, и смута, и вопрос... («Суд огня») [2. Т. 2. С. 245].

Земная жизнь как несение креста, восприятие земного пространства как заточения:

Незримая! Не ты ли дышишь мной, / И купою цветет благоуханной / Бесплодный крест моей тюрьмы земной? («CRUX FLORIDA») [2. Т. 2. С. 493].

Крест как пространство:

Ширококрылый крест открыл тебе объятья! Ты улыбаешься, ты вечно впереди, — / И ты же розою цветешь в моей груди... («ROSA IN CRUCE») [2. Т. 2. С. 493]; Ток стрелкой неуклонной / Вселенский крест в небесный вписан круг... / О крест пространство! Разлуки крест! Ветров / На том кресте живая роза дышит / И, сея душ посея, волну костров / Средь плача тризна во все концы колышет. / И мир цветет разлукою Креста... («Роза ветров») [Т. 2. С. 494].

В стихотворении В. Иванова «Тебе благодарим» крест представлен в сознании поэта как символ безмерного простирающегося пространства, «четвероко-нечной силы»: «Благодарим / За то, что *Жизнь* из чаши неисчерпной / Пьет Твой Потир; / За то, что Ночь во все концы пронзают / Лучи Креста»; это, несомненно, восходит к пониманию креста в славяно-русской традиции: «Твоя высота, живоносне Кресте, воздушного князя бьет, глубина вся бездны закаляет змия, широту паки воображает, низлагая мирскаго князя крепостию Твоею» [8. С. 182].

Тема благодарения звучит как принятие мира целиком со всеми его радостями и скорбями. Язык текста стихотворения, как и всех произведений В. Иванова, глубоко символичен во временном плане, в нем соединяется смысл настоящего проживания человека и историческая вневременная действительность: «Благодарим / За боль любви, за плач благодаренья, / За ночь потерь, / За первый крик, и смертный оцт боренья, / И смерти дверь». И если первые три строчки вполне понятны, то последние две нуждаются в некотором комментарии.

«Смертный оцт боренья» — выражение, означающие смертельные муки Христа на кресте. Под оцетом подразумевается напиток, приготовлявшийся из воды, уксуса и яиц. Оцет был поднесен к воспаленным, умирающим устам Спасителя, после громко произнесенного: «Жажду!»

В строфе: «Зане прибой мятежный умирает / У кротких ног, — / Зане из бездн Страданье прозирает, / Что с нами Бог» «прибой мятежный» метафорически означает человеческую душу, одержимую страстями. Употребление выражения в таком семантическом контексте достаточно частотно в славяно-русской традиции. «Мятежный» прибой номинативно относят к морской теме. Однако «морская» ситуация в этом контексте совсем иной природы. Например, в гимнографическом тексте встречаем: «Видя житейское море, волнуемое бурейю напастей (искушений и бед), пристаю к Твоей тихой пристани и молю Тебя: Изведи от погибели жизнь мою» [9. С. 142]. В 87-м псалме, где повествуется о предсмертных борениях Иисуса Христа, Его страданиях и смерти вновь звучит «морская» тема: «На мне утвердися ярость твоя, и вся *волны* твоя навел еси на мя». В этом контексте семантическое значение слова «волны» означает искушения, которые Господь претерпел на кресте. Словосочетание «кроткие ноги» в поэтическом тексте В. Иванова также характерно для Христа. Согласно евангельскому сюжету Мария Магдалина взяла алавастровую вазу индийского драгоценного нардового мира и полила миром голову и ноги Спасителя, а затем вытерла Его ноги своими длинными распущенными волосами.

Строчки: «Зане из бездн Страданье прозирает, / Что с нами Бог» могут быть прокомментированы многими библейскими текстовыми параллелями. Однако предельно семантически близка фраза из 90-го псалма Псалтири: «Воззовет ко мне и услышу его, с ним Я (Бог) в скорби» [10. С. 351].

В стихотворении «Миры возможного», написанном дантовскими терцинами, посвященном «памяти погибшего» молодого ученого, который неожиданно убил другого человека и себя, звучит тема *креста-распятия за ближнего*. Принятие

боли за содеянное другим человеком невольно заставляет автора подняться до величия Христа, принявшего распятие за всех:

Его колени, кровь лия, слабели; / Он был паденья жертва роковая; / Сомкнуты, новых бездн глаза не зрели. / Я ж, за него крушась и изнывая, / Летел к нему, столь жалостью влекомый, / Как бы страдала плоть моя живая. / И были мне таинственно знакомы / Сей лик, и плащ, и ратный сряд Дамаска... / Томился он — и я пил оцт истома («Миры возможного») [2. Т. 1. С. 668].

Крест как ощущение выбора, распутья:

Русь! <...> Зато, что ты стоишь, немея, / У перепутного креста, / Ни Зверя скиптр подъять не смея, / Ни иго легкое Христа («Мечь мечная») [2. Т. 2. С. 251].

Понимание смысла бытия в творчестве Вяч. Иванова неизбежно связано с символикой креста как принадлежности *кругового пространства*. Так, строчка из стихотворения «Роза ветров»: «Вселенский крест в небесный вписан круг...» восходит к известному изображению «египетского иероглифа» (выражение Вяч. Иванова): «Так! «Жизнь» вещал, власть круга дивно слив / Со властью двух крестных черт победной, / Египетский святой иероглиф» («Врата») [2. Т. 1. С. 661].

В творчестве Вяч. Иванова крест часто выступает как солярный знак, т.е. с семантикой «солнца», что довольно устойчиво связано (как нами отмечалось неоднократно) и со славяно-русской традицией, в которой *солнце* — известный и давний символ вечности. В стихотворении Вяч. Иванова «Солнце» оно символизирует Творца во всем действующего и все в себе заключающего: «Спит губительно в корнях омега / Солнце. / Альфа мира, сеть в ночь твоя услада, / О свершительная мощь, Омега — / Солнце!» [2. Т. 2. С. 231—232].

Употребление букв греческого алфавита — альфы и омеги — указание на замкнутость начал и концов в Божественном круге вечности. В Апокалипсисе встречается следующая фраза: «Я емь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» (Апок. 1, 8). Солнце в стихотворении Вяч. Иванова символизирует Христа, что можно наблюдать в гимнографическом славяно-русском тексте тропаря Рождества Христова: «Рождество Твое, *Христе Боже* наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащие звездою учахуся Тебе кланиться, *Солнцу* правды, и Тебе ведети с высоты Востока. *Господи*, слава Тебе!» [13. С. 291]. Например, строчка: «Как ослепительно в обличье снега / Солнце!» восходит к известному библейскому событию Преображения Господня, изложенному в Евангелии от Марка: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег» (Мар. 2, 15).

Иногда символика *круга* в поэтической концепции Вяч. Иванова перекликается с попыткой осознать прошлое, которое представляется в сознании поэта «недвижным»: «Недвижное ждет нас уныло; И, круг завершая плавучий, / Мы снова, — где встанет, что было, / Причалим под ивой плакучей» («Воззревшие») [2. Т. 1. С. 748].

Другим частотным мотивом пространственно-временной символики в творчестве Вяч. Иванова является *мотив сеяния*. Установить генезис мотива сеяния

(семени), жатвы в творчестве Вяч. Иванова достаточно сложно. Отчасти он восходит к тексту Библии и отличается в творчестве поэта достаточной частотностью. Это известная притча о сеятеле, встречающаяся в Евангелии от Матфея (13, 1—23), Марка (4, 1—20), Луки (8, 4—15), где под сеятелем символически подразумевается тот, кто сеет (проповедует) слово Божье. В другом случае посев в творчестве поэта уподобляется мужскому семени. Семантически мотив близок к разрешению вопроса вечной дихотомии: жизни и смерти, *темы возрождения тварного (земного) мира*: «Но Небом был зачат / Наш темный род — Титанов падших племя. / И Солнца семя, / Прозябнув в нас, осветит / Твой лик, о Мать!.. Ах, если Свет, что светит, / В себе распят,— / Пусть Дух распнет нас, кем твой свет зачат!» («Темь») [2. Т. 1. С. 741]; «Дабы в душе чужой, как в нови, / Живую врезав борозду, / Из ясных звезд моей Любви / Посеять семенем — звезду» («Подстерегателю») [2. Т. 2. С. 340]; «Ты — родилась; а я в ночи, согретой / Зачатьем недр глухих, — / Я умер, семя нивы колыбельной, / Душой в себе раздельной, / С собою влачащей гроб того же тела, / Откуда отлетела / Желаний мощь» («Канцона I») [2. Т. 2. С. 397]; «Кто в тленье сеет, в тленьи тот и в смраде / Прозябнуть должен ...» («Феофил и Мария») [2. Т. 2. С. 520]; «Великий день священного покоя / Родимых нив, созревших для серпа!» («Тихая жатва») [2. Т. 4. С. 55].

В стихотворении «Последний знак, и будут два — одно...» мотив сева (сеяния) остается ведущим. Этот поэтический текст интересен тем, что в нем сфокусированы все библейские сюжеты, встречающиеся в творчестве поэта: Брак в Кане Галилейской, Голгофа, притча о сеятеле, сюжет Воскресения.

Приведем текст стихотворения полностью.

Последний знак, и будут два — одно:
 Зане двоим, кто на одной постели
 Вкушали нег Господнее вино
 И смертный оцт, в неразлученном теле
 Свершиться и воскреснуть суждено, —
 Коль не вотще Мария умолила
 Спасителя прославить древний брак!
 И, щедрая, свой сев, отдаст могила,
 Зане объять не может света мрак,
 И семя нив Посеявшему мило.
 («Последний знак, и будут два — одно...») [2. Т. 2. С. 444].

Первые три строчки стихотворения, отличающиеся кажущейся эротичностью, имеют текстовые параллели, во-первых, в библейском тексте, во-вторых, они отличаются известной автобиографичностью.

Строчка: «Последний знак, и будут два — одно» восходит к известным библейским изречениям: «...и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» (Матф. 19, 4—6). Иными словами, два человека должны быть как один — по мыслям, чувствам, намерениям, действиям; они должны быть одним существом, одной душой.

Выражение «Зане двоим, кто на одной постели / Вкушали нег Господнее вино / И смертный оцт, в неразлученном теле / Свершиться и воскреснуть сужде-

но...», пожалуй, можно отнести к известному биографическому факту из жизни поэта, на который указала О. Дешарт, описывая кончину жены Вяч. Иванова: «Пришел священник с дарами. Умиравшую соборовали. В.И. увидел, как выступила алая капля причастного вина на ее помертвевшие губы. Он обнял жену, в последний раз поцеловал милый рот и выпил священную каплю» [2. С. 120].

Рассмотрение библейского мотива семени позволило сделать следующие выводы о семантике слова «семя» в поэтической концепции Вяч. Иванова:

— прозябать (от цкл. «прозябати» — прорасти), возродиться способно то, что имеет в себе Свет и Дух;

— прорасти к истине (Свету) возможно лишь через распятие, жертвенную любовь;

— сеяние семени символизирует начало новой жизни, возрождение души от земной косности;

— человек — семя. Начало жизни (колыбель) и смерть как необходимые составляющие бытия, их схожесть и закономерность, символика начала и конца;

— жизнь и любовь способны продолжаться в иной надмирной реальности;

— мотив семени как начало творения, создания нового мира (мира инобытия), несущего отголоски прежней земной жизни.

В статье «Два лада русской души» поэт по-библейски объясняет смысл существования бытия: «Семя, умершее в темных глыбах, должно воскреснуть. Во Христе умираем, Духом Святым воскресаем. Отсюда это новозаветное чаяние мгновенного чудесного восстания в Духе, когда исполнится година страстной смерти и погребения в земле. Оттого (характерный признак нашей религиозности!) в одной России Светлое Воскресение есть, поистине, праздников праздник и торжество из торжеств» [11. С. 352].

Таким образом, мотив сеяния — один из центральных мотивов в поэтике Вяч. Иванова. Семантика сеяния (семени) часто связана со Христом («Солнца семя, / Прозябнув в нас, осветит»), возрождением в новой жизни, «проращением» из одной реальности бытия в другую.

«Труднейшее постижение для русской интеллигенции есть ясное уразумение идеи Церкви», — сказал Вяч. Иванов в своей речи на торжественном заседании Религиозно-Философского Общества, посвященном памяти Вл. Соловьёва [2. С. 36]. Думается, эти слова Вяч. Иванова можно отнести ко всей его мировоззренческой концепции. Развивая и отчасти корректируя учение Ницше о «дионисийстве» как о религии бога, неизменно гибнущего и неизменно возрождающегося, Вяч. Иванов увидел в Дионисе страдающего Бога, тем самым увидев в дионисийстве множество общих и одновременно разных с христианством черт. В дионисийской религии Дионис умирает и воскресает, оставаясь все же частью природы. О.Т. Ермишин утверждает, что «Иванов в изучении дионисийства прошел путь от эстетического восприятия, определяемого влиянием Ницше, к выводам о «новозаветной» направленности дионисийской религии» [12. С. 525].

Можно утверждать, что обращение к античности при описании библейских тем в творчестве поэта часто приобретало стилистический оттенок, как и исполь-

зование сложных слов, соответствующих греческим сложным словам или сходных с ними неологизмов. Поэтические тексты Вяч. Иванова, центральная тема которых — описание сакрального локуса, часто отражают знание славяно-русских молитв, текстов Библии и глубокое знание церковнославянского языка. Можно предположить, что обращение поэта к античным образам и гностической философии при переосмыслении знакомых с детства библейских образов и символов было попыткой решения личного вопроса о вере.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Цит. по: [2].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Колобаева Л.А.* Полифункциональность неомифологизма в творчестве символистов // *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи.* — М.: Наука, 2010. — С. 98.
- [2] *Дешарт О.* Введение // *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т.* — Брюссель, 1979.
- [3] *Заветы символизма // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т.* — Брюссель, 1979. — Т. 2. — С. 537.
- [4] *Аверинцев С.С.* Вячеслав Иванов: Вступительная статья // *Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы С.С. Аверинцева.* — Л., 1978. — С. 5.
- [5] *Стояновский М.Ю.* Символ у Вяч. Иванова: Традиция и специфика: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1996.
- [6] *Топоров В.Н.* Крест // *Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т.* — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т. 2 — С. 12.
- [7] *Иванов Вяч.* Две стихии в современном символизме // *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т.* — Брюссель, 1979. — Т. 2. — С. 536.
- [8] *Молитвослов.* — Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1907. — С. 182.
- [9] *Православный молитвослов и Псалтирь.* — М.: Даниловский благовестник, 1997.
- [10] *Псалтирь в Святоотеческом изъяснении.* — Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2006.
- [11] *Иванов Вяч.* Два лада русской души // *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т.* — Брюссель, 1979. — Т. 3. — С. 352.
- [12] *Ермишин О.Т.* От культуры Серебряного века к философии русской эмиграции (Античный миф и христианское мировоззрение) // *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи.* — М.: Наука, 2010. — С. 98.

REFERENCES

- [1] *Kolobayeva L.A.* Polifunksionalnost neomifologizma v tvorchestve simbolistov // *Antichnost i kultura Serebryanogo veka: K 85-letiyu A.A. Takho-Godi.* — M.: Nauka, 2010. — S. 98.
- [2] *Deshart O.* Vvedeniye // *Ivanov Vyach. Sobr. soch.: v 4 t.* — Bryussel, 1979.
- [3] *Zavety simvolizma // Ivanov Vyach. Sobr. soch.: v 4 t.* — Bryussel, 1979. — T. 2. — S. 537.
- [4] *Averintsev S.S.* Vyacheslav Ivanov: Vstupitelnaya statya // *Ivanov Vyach. Stikhotvoreniya i poemy S.S. Averintseva.* — L., 1978. — S. 5.
- [5] *Stoyanovskiy M.Yu.* Simvol u Vyach. Ivanova: Traditsiya i spetsifika: Avtoref. diss. kand. filol. nauk: spets. 10.01.01. — M., 1996.
- [6] *Toporov V.N.* Krest // *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2-kh t.* — M.: Sov. entsiklopediya, 1991. — T. 2 — S. 12.

- [7] *Ivanov Vyach. Dve stikhii v sovremennom simbolizme // Ivanov Vyach. Sobr. soch.: v 4 t. — Bryussel, 1979. — T. 2. — S. 536.*
- [8] *Molitvoslov. — Kiyev: Tipografiya Kiyev-Pecherskoy Lavry, 1907. — С. 182*
- [9] *Pravoslavnyy molitvoslov i Psaltir. — M.: Danilovskiy blagovestnik, 1997.*
- [10] *Psaltir v Svyatootecheskom izyashenii. — Svyato-Uspenskaya Pochayevskaya Lavra, 2006.*
- [11] *Ivanov Vyach. Dva lada russkoy dushi // Ivanov Vyach. Sobr. soch.: v 4 t. — Bryussel, 1979. — T. 3. — S. 352.*
- [12] *Yermishin O.T. Ot kultury Serebryanogo veka k filosofii russkoy emigratsii (Antichnyy mif i khristianskoye mirovozzreniye) // Antichnost i kultura Serebryanogo veka: K 85-letiyu A.A. Takho-Godi. — M.: Nauka, 2010. — S. 98.*

ABOUT SEMANTICS OF EXISTENTIAL SYMBOLICS IN CREATIVITY OF VYACH. IVANOV

O.A. Porol

Russian philology and methods of Russian language teaching of Department
Orenburg State University
Pobedy ave., 13; Orenburg, Russia, 460018

The author of article in bible aspect considers existential symbolics in creativity of Vyach. Ivanov. The analysis of poetic texts is carried out in semantic aspect with application of a method of text parallels.

Key words: symbol of the “cross”, the theme of “sowing”, space, time, the biblical motive.